

Екатерина Сергеевна БаландинаЮжно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков, Челябинск, Россия
e-mail: balandinaes@susu.ru**Особенности языковой репрезентации пространства:
моделирование образа Арктики в дискурсе географического описания**

Аннотация. Статья посвящена исследованию метафорической репрезентации пространства Арктики в дискурсе географического описания. Материалом для анализа послужили различные текстовые источники, опубликованные до 40-х гг. XX в., посвященные описанию экспедиций по освоению северных земель. С помощью методов дискурсивного анализа и метафорического моделирования автор статьи рассматривает языковые особенности репрезентации пространства Арктики, выделяет ключевые концептуальные метафоры, используемые в текстах, и определяет их сферу-источник. В заключении делаются выводы, связанные с изменениями восприятия Арктики в картине мира полярных путешественников.

Ключевые слова: концептуальная метафора, образ Арктики, дискурс географического описания, пространство, сфера-источник.

Ekaterina S. BalandinaSouth Ural State University (NRU), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Chelyabinsk, Russia
e-mail: balandinaes@susu.ru**Features of the Linguistic Representation of Space:
Modeling the Image of the Arctic in the Discourse of Geographical Description**

Abstract. The article is devoted to the study of metaphorical representation of the Arctic space in the discourse of geographical description. The material for the analysis was various text sources published before the 40s of the 20th century, devoted to the description of expeditions on the development of northern lands. Using the methods of discourse analysis and metaphorical modelling, the author examines the linguistic peculiarities of the representation of the Arctic space, identifies the key conceptual metaphors used in the texts and determines their source sphere. The conclusions related to the changes in the perception of the Arctic in the world picture of polar travellers are drawn in the conclusion.

Keywords: conceptual metaphor, image of the Arctic, discourse of geographical description, space, source sphere.

Введение (Introduction)

Арктика является уникальной территорией, в которой сосредоточено большое количество природных ресурсов. Интерес к исследованию северных просторов обусловлен текущей геополитической обстановкой, когда Арктика становится не только местом добычи полезных ископаемых, но и резервом свободного пространства, а также центром научного прогресса.

Открытие и освоение Арктики имеет длинную историю, связанную с человеческим стремлением покорить и изучить новые и неизведанные земли. Однако исследование арктического пространства потребовало от путешественников немало мужества, усилий и терпения. Свои впечатления и открытия моряки фиксировали в различных письменных

документах, некоторые из них сохранились и по сей день. Эти тексты являются уникальными источниками, на основе которых может быть реконструирован первоначальный образ Арктики, сложившийся в сознании путешественников, а также проанализирован процесс его постепенной трансформации.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей метафорической репрезентации пространства Арктики в различных русских текстовых источниках до 40-х гг. XX в. В работе предпринята попытка анализа метафорической репрезентации Арктики в дискурсе географического описания пространства и изучения особенностей трансформации образа в языковой картине мира путешественников.

Методы (Methods)

На первом этапе исследования с помощью технологий корпусной лингвистики был проведен отбор анализируемого материала. В качестве источников были использованы оцифрованные полнотекстовые архивные книги и документы, посвященные географическому описанию пространства Арктики (см. список источников материала). Второй этап подготовки предполагал ручную обработку каждого текста, его разметку и поиск языковых средств, описывающих пространство. На третьем этапе исследования с помощью методов когнитивно-дискурсивного анализа были выявлены особенности метафорического моделирования арктического пространства и обозначены ключевые сферы-источники, используемые авторами текстов для описания северных территорий.

Литературный обзор (Literature Review)

В настоящее время в различных областях лингвистики существует большое количество работ, посвященных изучению образа Арктики. Концептуализация целостного представления об арктическом регионе с позиции междисциплинарных связей показывает, что данный образ относится к ключевым в аспекте формирования целостной картины мира носителей русской культуры.

Работы, выполненные в рамках психолингвистической школы, показывают, что анализируемый образ обладает чрезвычайно широкой семантикой. Его ассоциативно-вербальное поле может быть представлено различными тематическими группами: эмоционально-чувственными реакциями, указывающими на особенности климата региона; разнообразными топонимами; ассоциациями, связанными с природой и животным миром Арктики, а также акцентирующими внимание на геополитическом аспекте. Совокупность общих представлений, вербализованных посредством языка, объективирует образ Арктики в языковом сознании носителей русской культуры, связанный с определенными эмоционально-атрибутивными характеристиками и культурно-символическими константами [1, с. 16].

Исследование образа Арктики проводилось и с позиции когнитивной лингвистики, когда географическое пространство региона было проанализировано через изучение роли цвета в языковой репрезентации зрительного восприятия ландшафта Арктики. Несмотря на доминантное ахроматическое восприятие арктического региона, в котором превалирует белый цвет, ближняя и дальняя периферия цветового пространства исследуемой территории формируют ее многоуровневое и красочное представление за счет включения таких оттенков, как *серый, черный, синий, фиолетовый, голубой, зеленый, красный, розовый, желтый*, для описания сегментов природного, растительного, животного миров [2, с. 97].

Особую популярность получили исследования дискурсивного характера. В связи с появлением работ, посвященных изучению Арктики, в лингвистике относительно недавно было выделено целое направление изучения арктического дискурса, представляющего совокупность текстов, посвященных геополитическому и геокультурному пространству Севера [3, с. 115]. При этом в данном ключе ученые не только работают с источниками массмедийного характера, но

и занимаются вопросами анализа северной литературы, посвященной роли Арктики и Севера в истории человечества; конструирования образа человека, живущего и работающего в этом регионе; моделирования мифопоэтического пространства Севера и его фольклорного разнообразия.

Для нас актуальными являются исследования, посвященные метафорическому моделированию образа Арктики, поскольку метафора с точки зрения семантического, когнитивного и прагматического подходов является одним из ключевых языковых инструментов, способных структурировать, преобразовать и создавать новые знания, а также вызывать эмоции и оценки [4, с. 1064]. Изучение образа Арктики в современных средствах массовой информации показало, что к наиболее употребляемым концептуальным метафорам при ее описании относятся различные виды антропоморфной метафоры, социоморфной (милитарная, театральная, спортивная), артефактной (техническая, транспортная, текстильная) и гастрономической [5, с. 30–31]. Наше исследование позволит расширить знания в области восприятия арктического пространства на материале исторических текстов географического описания, проследить особенности становления и трансформации анализируемого образа в общей языковой картине мира.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Первым человеком, оставившим после себя письменные источники о путешествии к землям полярного круга, был грек Пифей (около 380 — 310 г. до н. э.), выдающийся географ и астроном. Он совершил свой поход приблизительно в 325 г. до н. э. и дошел до страны полнощного солнца — Туле. В своих заметках Пифей писал, что Туле расположена вблизи *свернувшегося моря* (Зубов, 1948)* — так он именовал Ледовитый океан, который оказался для него похожим на свернувшиеся сливки. Позже византийский писатель Прокопиос (между 490 и 507 — после 565) напишет о том, что *на земле в Туле после господства длительной ночи наступает величайший праздник света* (Зубов, 1948). В данном примере мы наблюдаем использование двух метафор, актуализирующих бинарную оппозицию «свет (полярный день) — тьма (полярная ночь)», характерную для мифологической картины мира, когда семантика описания пространственного восприятия была главным образом построена на существовании противопоставленных друг другу признаков [6, с. 153]. Наступление полярного дня описывается с позиции сферы-источника «празднование», поскольку природное явление незаходящего солнца в течение длительного времени было равносильно чуду. Ночь, в свою очередь, предстает в исторических документах в образе владыки, господствующего над всей территорией Арктики во время длительной полярной зимы. Аналогичное метафорическое сравнение встречается и в записях датского писателя Саксона Грамматика (предположительно, 1150–1220), который пишет о том, что *на земле этой нет растительности, и господствует глубокий мрак* (Зубов, 1948). Много позже итальянский ученый Юлий Пом-

* Здесь и далее указаны источники, в которых размещены исторические тексты; список источников приведен в конце статьи.

поний Лэт (1425–1498) использует метафорическое сравнение со свечой, описывая данные природные явления на территории Новой Земли — небольшого острова, *где почти никогда не загорается день* (Зубов, 1948).

Интересные факты можно обнаружить, обращаясь к анализу старинных метафорических названий различных географических объектов. К примеру, в 1222 г. в устье Северной Двины совершали путешествие дружинники норвежского короля Гакона под предводительством Ивара с Залива. На обратном пути их судно потерпело крушение, попав в сильный водоворот. Стремительные отливно-приливные течения, активное изучение которых началось только в XX в., стали причиной гибели множества кораблей и моряков. Вследствие этого горло Белого моря получило метафорическое название *кладбище кораблей* (Зубов, 1948).

В Никоновской летописи можно встретить еще одно метафорическое название места, связанного с историей освоения Арктики, — *железные ворота* (Лебедев, 1935). Так в свое время именовали Карские ворота, проход южного маршрута Северного морского пути к мысу Челюскин, который становится своеобразным входом на территорию *злых земель* (Новой Земли. — Е. Б.) (Лебедев, 1935).

Арктические территории оставались неведомы для многих на протяжении длительного времени, и хотя люди имели некоторое представление о возможности существования заполярных территорий, само их наличие было окутано тайнами и сказочными преданиями. Так, современный Шпицберген, являющийся большим полярным архипелагом, расположенным в Северном Ледовитом океане, ранее назывался *страной сказочных великанов* (Лебедев, 1935). История возникновения данного метафорического сравнения берет начало в XIII в., когда Саксон Грамматик поведал историю о мореплавателях, которые, путешествуя из Исландии в Норвегию, были отнесены резкими порывами ветра на север в туманную область, отделяемую от остального мира ледяными скалами. Эти огромные ледяные скалы превратились в сознании людей в сказочных великанов, а земля, открытая путешественниками, стала страной их обитания.

Таким образом, на этапе первоначального исследования территорий полярного круга Арктика представлялась путешественникам в виде таинственной *злой земли* (Лебедев, 1932), где господствовало царство тьмы и жили необычные существа (великаны или киноцефалы «люди с головами собак»).

Конец XIV — начало XV в. стало периодом великих географических открытий и связано с именами таких путешественников, как Колумб, Васко да Гама и Магеллан. Главенствующая роль в области мореплавания принадлежала Испании, которую в различных литературных источниках называли *владычицей морей* (Лебедев, 1932), тем самым проводя сравнение страны с монархом или королем, монополизировавшим южные пути в Индию и Китай. Именно необходимость поиска собственных морских путей, а также страх перед Испанией подталкивали путешественников к поиску новых северных проходов в вышеназванные страны для осуществления торговли.

Однако исследование новых *безжизненных* земель наводило ужас на многих путешественников, а потому в раз-

личных материалах можно встретить большое количество примеров-метафор со сферой-источником «эмоции», когда необъятные территории Арктики и ее тяжелый климат отождествлялись в сознании с неким чудовищем, внушающим страх: *земля внушала всем ужас; страх перед зимой продолжал тяготеть; зимняя тьма угнетает душу; страна отчаяния* (подобные метафоры зафиксированы во всех четырех источниках).

В анализируемом дискурсе описание природных явлений также активно осуществлялось через использование метафорических образов, которые позволяли исследователям более точно передать пространственные представления об Арктическом регионе. Основная тенденция, прослеживаемая в исследуемых текстах, состояла в том, что положительные речевые обороты чаще всего использовались для создания первоначального образа пространства. К примеру, в заметках Геррита де Веера (предположительно, 1573–1598), путешествовавшего вместе с Виллемом Баренцем (1550–1597), мы видим сравнение арктических снегов с белыми лебедями: *мы встретили первый снег, который привел нас в удивление. Вначале мы подумали, что это плывут белые лебеди* (Зубов, 1948). Однако дальнейшее повествование строится на использовании отрицательно окрашенных сравнений и эпитетов вследствие тяжелых условий, с которыми сталкивались путешественники на своем пути.

Аналогичная тенденция в описании пространства отмечена и в документах, посвященных экспедиции в 1872–1874 гг. корабля «Тегетгоф» под руководством Юлиуса Пайера и Карла Вейпрехта. Арктические льды стали для них:

— захватчиками: *льды пленили судно навсегда; судно было захвачено льдами;*

— врагами: *долгая и несказанно утомительная борьба; борьба с этим врагом;*

— тисками: *льды со страшной силой напирала на судно, грозя раздавить его, как ореховую скорлупу; судно находилось в крепких тисках льда;*

— могилой: *ледяному морю суждено стать нашей могилой; при виде волнующегося моря нам казалось, что мы вышли из темной холодной гробницы;*

— тюрьмой: *15 августа было великим днем для экспедиции — днем освобождения из льдов* [все из (Зубов, 1948)].

Именно тяготы и лишения подобного путешествия привели к тому, что, когда мореплаватели, наконец, обнаружили Землю Франца-Иосифа, они посчитали ее *раем*, несмотря на то, что суша состояла только из снега, голых скал и смерзшихся камней. Обращение к сфере-источнику «религия» подчеркивает степень отчаяния путешественников, для которых даже маленькие победы экспедиции были схожи с божественным началом: *мы вышли из темной холодной гробницы для новой жизни* (Зубов, 1948).

Еще одной популярной сферой метафорических сравнений для описания арктического пространства становится «пустыня». Впервые она встречается в рассказах о путешествиях Отара, датируемых 870–890 гг. и записанных с его слов Альфредом Великим, где говорится о желании *провести север земли* (Норвегии. — Е. Б.) и узнать, *какие люди обитают за этой пустыней* (Островский, 1931).

В документах, посвященных экспедиции Пайера, команда которого была вынуждена провести более двух полярных ночей на территории *непроходимых земель*, также упоминается образ пустыни: *если бы мы были в состоянии обозреть эту ледяную пустыню — мы впали бы в отчаяние* (Лебедев, 1935). Тем не менее просторы и суровый климат данной территории, покорившей и погубившей большое количество путешественников, поражали исследователей на протяжении многих столетий. Это приводит к тому, что при описании величия Арктики, как и в период раннего ее изучения, происходит метафорическое сравнение данной земли с **безмолвным царством: застывшее полярное царство; царство льда** во всей ослепительной красоте; там **царит** бесконечная зима с жестокими морозами; в полярных странах **царит вечный холод** [зафиксировано в (Зубов, 1948; Лебедев, 1932; Лебедев, 1935)].

Подводя итог исследованиям длительного периода изучения Арктики с XIV до середины XIX в., мы можем сделать вывод, что постепенно образ мифологической Арктики-чудовища сменился в сознании путешественников на образ врага или захватчика, борьба с которым предполагала наличие стойкости, веры, сил и терпения: *В те времена борьба с холодом и штормами принимала форму 'траншейной войны'*; *Смелый мореплаватель проникал на корабле насколько возможно дальше на север, а затем, так сказать, 'окапывался' и ждал, пока пройдет зима* (Зубов, 1948).

Следующий этап полярных исследований, начиная с середины XIX в., привел к значительному изменению восприятия Арктики. В этот период в дискурсе ее географического описания стали появляться метафоры со сферой-источником «природа»: *лед сплошной лавиной несло в Берингов пролив; проклятое ледяное болото; льды перекатывались друг через друга, как гребешки морских волн; напугающее ледяное поле* (Лебедев, 1932), — акцентирующие внимание на мощи и силе природных явлений, с которыми сталкивались экспедиции. Ожесточенность схватки двух противников — человека и арктической зимы с ее ветрами, холодом и льдами — можно проследить и на примере метафор со сферой-источником «война»: *лед продолжал медленное, но неотвратимое наступление; жизнь корабля измерялась часами; напряженное ожидание наступления льда; 8 апреля льды начали наступление на лагерь; были слышны пушечные выстрелы* (о природном явлении сжатия льда. — Е. Б.) (Зубов, 1948). Однако следует отметить, что если раньше в заметках путешественников прослеживалось четкое доминирование арктической зимы, превращающей покорителей Севера в пленников, то теперь победителями битвы и ее активными участниками стали выступать именно люди: **штурм Арктики; завоевание Арктики; покорение Арктики; на штурм Арктики; отчаянная борьба с врагом; победа уже близка, и судно получит свободу**. Изменяется и эмоциональный настрой участников, ужас сменяется возбуждением, характерным для любого ответственного мероприятия: **эти концерты возбуждали нервы; эти мелодии не давали нам спать** (о шуме трескающегося льда. — Е. Б.) (Островский, 1931). Так постепенно образ непобедимого соперника, внушающего страх, превращается в сознании путешественников

в покоренного воина. Завоевание Арктики, победа человека над суровой природой изображены в литературе с помощью различных метафор, источниками которых становились:

- домашние животные: моряки **приручили зиму; северные территории оставались в загоне;**
- транспорт: *мы были пассажирами льда; заглохший северный край;*
- переговоры: *моряки превратили зиму в союзника;*
- дворцовый сад: *Простой взгляд на карту России показывает, что она своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан* (Лебедев, 1935; Островский, 1931).

Следовательно, мы можем судить о том, что в сознании путешественников в конце XIX — начале XX в. происходят существенные трансформации в восприятии образа Арктики. И хотя для большинства северные территории в то время оставались местом, связанным с борьбой, трудностями и лишениями, человек, наконец, осознал, что ему подвластно покорить зиму и выйти победителем из нелегкой войны с Севером.

Заключение (Conclusion)

С течением времени образ Арктики претерпел существенные изменения в сознании путешественников. Первоначально северные земли и типичные для данной территории природные явления отождествлялись с мифологическим, сказочным чудовищем или владыкой, покорившим пространство арктических земель. Об этом свидетельствуют метафорические единицы, собранные на основе исторических документов, сферы-источники которых указывают на то, что Арктика представлялась как некая сказочная страна за железными воротами, в которой господствовали ночь и зимний холод, губившие моряков.

Эпоха Великих географических открытий внесла свои коррективы в восприятие Арктики, в связи с чем образ чудовища, вселяющего страх, сменяется новыми представлениями. Северные земли превращаются в захватчиков, сражение с которыми чаще всего заканчивалось неудачей, что приводило к тому, что Арктика в сознании путешественников стала ассоциироваться с образами, ограничивающими свободу (тюрьма, могила), или образами безжизненных земель (пустыня). В то же время необыкновенная и своеобразная красота арктического пространства, законы и правила, которым подчинялись различные природные явления, а соответственно, и сам человек, привели к появлению в текстовых источниках метафор «царство» или «рай».

Начиная с середины XIX в. моделирование образа Арктики опять претерпевает изменения. В ряду разнообразных языковых единиц со сферой-источником «война» стали появляться метафоры, указывающие на активные действия со стороны человека в сражении с суровыми климатическими условиями, из которых он постепенно всё чаще стал выходить победителем. Через анализ метафорической репрезентации пространства мы можем наблюдать изменения в расстановке сил между двумя противниками: человеком и арктической зимой. Значительные победы и новые открытия, сделанные в первой половине XX в., привели к тому, что образ Арктики из непобедимого соперника постепенно стал превращаться в союзника или даже домашнее животное, которое можно приручить при правильном обращении и уходе.

1. Корнилова Е. В. Арктика и Север: проблема концептуализации // Мир русского слова. 2023. № 2. С. 11–20. DOI: 10.21638/spbu30.2023.202
2. Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Языковая репрезентация зрительного восприятия географического пространства: цвет // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 89–98.
3. Мельничук О. А., Павлов С. С. «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? // Научный диалог. 2022. № 4 (11). С. 106–130. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130
4. Калинин О. И., Игнатенко А. В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 4 (13). С. 1062–1082. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082
5. Дзюба Е. В., Белослудцев А. Н. Образ Арктики в современных русскоязычных средствах массовой информации // Россия в глобальном мире. 2022. № 25 (48). С. 23–41. DOI: 10.48612/rg/RGW.25.2
6. Солопова О. А., Кошкарлова Н. Н. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) // Научный диалог. 2021. № 4. С. 148–167. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167

Список источников

- Зубов, 1948 — Зубов Н. Н. В центре Арктики : очерки по истории исследования и физической географии Центральной Арктики. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1948. 391 с.
- Лебедев, 1932 — Лебедев Н. К. Арктика. М. ; Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1932. 152 с.
- Лебедев, 1935 — Лебедев А. И. К ледяному сердцу Арктики : путешествия на далекий Север : (с XVI века). М. : Учпедгиз, 1935. 254 с.
- Островский, 1931 — Островский Б. Г. Советская Арктика / с предисл. проф. В. Визе. Л. : Ленингр. обл. изд-во, 1931. 168 с.